Новая картография мира

Александр Иванович Неклесса

SHOUT
SHARE
IT

- Александр Иванович Неклесса

Александр Иванович Неклесса
Новая картография мира

В 1492 году Христофор Колумб открыл Америку. Это был дерзкий прорыв в будущее, обозначивший границу новой эпохи, ее называют теперь Modern World, современный мир. Однако подвиг Колумба был еще и грандиозным картографическим казусом. Ведь великий генуэзец, руководствуясь картами своего времени, искал вовсе не Америку, но Индию… А вот другой пример картографической коллизии, свойства уже почти мистического. Живший в XVI веке фламандец Герхард Меркатор, признанный «король картографии», на своей знаменитой карте мира (1569 год) разместил… Антарктиду — то есть материк, который был обнаружен экспедицией русских мореплавателей Беллинсгаузена и Лазарева много позднее, лишь в 1820 году. Однако сейчас, когда со спутника удается различить даже бегущий по шоссе автомобиль, да что автомобиль: даже время на циферблате часов у пешехода, есть ли причины не доверять географическим картам? Выясняется, что есть. О пространствах Нового мира, о не тождественности формальных политико-административных границ тем реалиями, которые складываются на планете, писатель ***Юрий Чирков*** *беседует с заместителем директора Института экономических стратегий* ***Александром Неклессой****.*

— Александр Иванович, Вы профессионально занимаетесь проблемами стратегического анализа и планирования, скажите, что же это такое, стратегия?

— Сначала — чем стратегия не является. Распространенная ошибка: отождествление стратегии с политикой, в лучшем случае с политикой долгосрочной, да и то не всегда. Так, еще два-три года назад приходилось сталкиваться с разработкой «стратегий действия до 2000 (или 2001) года». В привычном словоупотреблении стратегия нередко отождествляется с умением достигать некую серьезную цель, либо реестром действий, ведущих к достижению цели. Все это, однако, — политика. Стратегия же, стратегическое планирование есть, прежде всего, конечное (для той или иной области) *целеполагание*.

Но само по себе целеполагание лишь «надводная» часть стратегической триады. Не менее важно правильно определить *субъект действия*, хотя подчас это может показаться нелепой, «лишней» задачей, настолько субъект, казалось бы, очевиден. Скажем, если речь идет о российской стратегии, то ее очевидный

субъект — Россия. Но подчас в подобной простоте таятся серьезные подвохи. Мы к этому вопросу, думаю, еще вернемся…

И, наконец, — картографирование реального *контекста*, среды стратегического действия. Ближайшие соседи тут доктрина и концепция. В этом русле, при соблюдении единства всех трех элементов стратегического планирования и формулируется основной, базовый код, алгоритм действий, ген *желаемого будущего* — стратегия, реализуемая затем посредством политики.

— Вот о способах картографирования реальности, о современных картах мира и хотелось бы поговорить подробнее. Но сначала хочу задать Вам «детский» вопрос: откуда пошли карты? Когда человек впервые стал рисовать очертания мира?

— О, здесь, вглядываясь в трудное детство человечества, мы с Вами можем весьма далеко зайти. Что ж, по крайней мере, попробуем наметить маршрут.

Первыми картами, которые чертил человек, были, думаю, карты не земли, а звездного неба. Человек нуждался в постоянстве и определенности в незнакомом (вне устойчивых систем передачи знания), зыбком, изменчивом мире. И эту стабильность он находил… на небосводе. При отсутствии письменности основное знание «привязывалось» к звездам, трансформируя таким образом хаос в космос, обращая звездный беспорядок в строгую упорядоченность созвездий, ставшими якорями стабильности, а в совокупности — замкнутой *мандалой* сакральной геометрии в мире, полном могучих стихий и анонимных угроз существованию.

В результате, однако, вместо реальных звездных карт родились карты иные: астрологические, зодиакальные, отражающие не очевидную физическую реальность, но нечто более ценное для человека — его кредо, его понимание окружающего мира, его стратегию действий и квинтэссенцию познанных законов бытия. Затем, правда, обнаружилось, что и звездный свод, пусть медленно, но меняет свои очертания, тогда карты жизни многократно усложнились, слились с зодиакальным календарем. Но и эти карты, все более уводящие человека в дурную бесконечность расчетов и увязок его жизненной стратегии с небесными стихиями, были достаточно ложными…

Человечество со временем все же познало иную истину, которая сделала его свободным, выведя из лабиринта химер и из-под власти звезд. Так, собственно, возникла наша цивилизация, породившая со временем собственную обширную картографию горнего и дольнего мира. Что-то сходное происходило и с картами географическими, в которых физическая география долгое время соприкасалась, а иногда прямо совмещалась с

географией сакральной (пока окончательно не вытеснила ее), то разделяя, то по-своему синтезируя реальность.

— История картографии должна быть сама по себе terra incognita?

— Тут Вы затрагиваете весьма тугую струну. Действительно история карт переполнена загадками и тайнами. Вот вы упомянули изображение Антарктиды на карте Меркатора. Но ведь это далеко не единственный удивительный случай.

Существует, например, обрывок еще более ранней карты (1513 г.) турецкого адмирала Пири Рейса, начертанной на коже газели, на которой в необычной («эквидистантной») проекции запечатлено побережье Южной Америки и части той же Антарктиды. Причем изображены они с подробностями (горные хребты, реки и т. п.), которые уже тысячи лет скрыты ледником. Откуда почерпнул адмирал эти сведения? Возможно в Константинополе, который к тому времени полвека как «стал Стамбулом», в Имперской библиотеке, хранившей остатки библиотеки Александрийской…

Существует также карта Оронция Финея 1538 г. и карта упомянутого Вами Герхарда Меркатора 1538 г., тоже запечатлевшие Южный материк. На первой карте к тому же отсутствует шельфовый ледник и отчетливо видна дихотомичная структура континента.

— «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам»…

— Существуют ведь и более странные карты, на которых уже прямо смешаны различные миры. Так на карте Анастасиуса Кирхера 1665 г. более-менее в деталях начертана… легендарная Атлантида. Но, пожалуй, самая таинственная из карт была издана в 1595 г. сыном Меркатора. На ней с поразительной для того времени четкостью зафиксировано побережье Северного Ледовитого океана (Аляска, север Канады, Гренландия, Скандинавия, Кольский полуостров, Шпицберген, Новая Земля, северное побережье Сибири), а в центре этого круга изображена самая удивительная из легендарных земель: Гиперборея. Причем форма и очертания этой земли вновь уводят нас в пространство сакральной географии… и в то же время претендуют на физическую точность, в отдельных своих деталях подтверждаемую исследователями.

Смешение реальной и сакральной географии сродни смешению хаоса и космоса на звездном небе. Впрочем, облик и расположение реальных, земных континентов сами по себе достаточно таинственны. Они повторяют на разные лады фигуру сродни скрипичному ключу: формулу двойной спирали,

закрученной противоходом. Кстати, в наиболее ясной форме эта композиция запечатлена в очертаниях именно реальной, физической Антарктиды, своим контуром одновременно напоминающей и структуру мозга человека, и профиль фетуса — сформировавшегося человеческого эмбриона. Но мы редко видим контур этого континента в неискаженном виде из-за его специфического — полярного положения на карте.

— Ну а наше прозаическое настоящее? Неужели же и сегодня в картографии есть еще место для символических загадок и скрытых тайн?

— В двадцатом веке политики вновь заговорили на языке, чем-то напоминающем язык сакральных географов: *Север* и *Юг, Запад* и *Восток* — все эти понятия несли иной, нежели простая географическая ориентация, многоуровневый смысл. И каждый из этих ярлыков оказался окутан определенной аурой, «окрашен своим цветом». Кстати, на политической карте мира до сих пор страны нередко окрашиваются в те или иные цвета не совсем уж нейтральным образом…

— Александр Иванович, я понимаю, в старину верили, что где-то там, за океанами, живут люди с песьими головами, но сегодня белых пятен на картах уже нет. Какая еще может быть новая картография?

— Картографируется ведь не только *географический* ландшафт. Человечество обитает на собственном, *социальном*, глобусе, со своими оригинальными очертаниями и «полюсами». И здесь все еще актуальна проблема реальных и формальных границ, только вот формальными оказываются привычные административно-политические границы, а все более реальными становятся какие-то иные: подвижные, дискретные, наплывающие друг на друга.

Мир достаточно долго существовал — несмотря на все многочисленные пертурбации — в сравнительно стабильном состоянии. И все это время сохранялось более-менее единообразное понимание границ. Естественно, сами они менялись, но типология разграничений была устойчивой категорией: не было существенного противоречия между картой географической, картой физической и картой административно-политической. А вот сейчас границы реальные и границы формальные расходятся все дальше, они, если так можно выразиться, «расслаиваются».

В результате возникла проблема нового способа описания социальной реальности, ее новой системы координат. Отражением меняющегося статуса границ становится, например, своеобразный феномен «страны-системы».

— Это что? Страна, которая как бы вылезает из своих национальных рамок?

— Совершенно верно. Возьмем, к примеру, США. Взгляните на карту: вот есть формальные границы государства Соединенные Штаты Америки. Но если вы обратитесь к основополагающим стратегическим документам, допустим, к стратегии национальной безопасности, ежегодным посланиям президента Конгрессу, то увидите устойчивое употребление словосочетаний «зона национальных интересов США», «зона национальной безопасности», контуры которых далеко выходят за обозначенные на карте рамки и начинают фактически охватывать весь мир. Это и есть достаточно новые, весьма своеобразные, но по-своему вполне реальные границы США. Границы, которые они защищают.

Вначале их сеть охватывала очевидные болевые точки, скажем, яркий пример — зона Персидского залива. (При этом нефтяные поставки отсюда жизненно важны не только для США, но даже в большей степени для стран-союзников, Западной Европы, Японии, от чего в свою очередь зависит стратегическая стабильность на планете.) По мере развития глобальной ответственности США в зону жизненно важных интересов стали переходить все новые и новые территории.

С позиции России наиболее чувствительные процессы тут — включение в соответствующие «зоны» частей постсоветского пространства, скажем, Каспийского бассейна. Здесь есть, над чем задуматься.

— Что ж, в современном мире Америка поистине уникальная страна, а что Вы скажете о новой картографии Европы?

— Иной пример «страны-системы», возможно, еще более яркий, доходчивый и очевидный — это европейский Шенген, супер-государство Шенген. Сейчас, когда мы обращаемся за визой в ряд западноевропейских консульств, мы получаем визу не конкретного государства — Испании, Германии, Греции или Франции, а визу, на которой написано «государства Шенген» (правда, на разных языках).

— Согласно Шенгенскому соглашению между рядом европейских стран?

— Да, и тут также происходит некоторая игра между реальными и формальными границами. В более даже сильной степени, чем в случае США, потому что процесс формализации новых границ более продвинут. Что считать реальными и что считать формальными границами? Смотрим на карту Западной Европы и видим национальные государства. Но мы как бы утрачиваем это видение, когда начинаем действовать.

Мы обращаемся в одно посольство и получаем визу, которая

позволяет нам осуществить доступ еще в ряд государств, обратившись же в какое-то другое посольство, тоже европейской страны, на карте вполне равнозначное, скажем, Швейцарии — получаем визу, которая такой возможностью не обладает. Вот так даже обычные, формальные границы оказываются не совсем равновеликими.

— Мы побывали в Америке, Европе, а что Азия?

— И тут мы находим нечто весьма интересное. Например, Китай — это, конечно, тоже «страна-система». Вот Гонконг, интегральная де-юре и де-факто (с 1997 г.) часть КНР, но в то же время, заглянув в справочники международной статистики, увидим, что КНР и Гонконг разнесены по разным ячейкам. Хотя дело, конечно же, не только в статистике… (В прошлом году, кстати, с КНР объединилось еще и Макао.)

Вспомним также Тайвань, который КНР считает своей неотъемлемой частью, и международное сообщество в общем (но не в целом) этот принцип признало: Тайвань исключен из ряда международных организаций именно в силу юридически обоснованных претензий Китая. Но в то же время, если мы обратимся к другому аспекту реальности, то увидим, что Тайвань функционирует, фактически, как самостоятельное государство.

Если мы расширим фокус проблемы, то увидим, что ряд государств ЮВА населены в значительной степени китайцами (например, Сингапур). Еще дальше раздвинем фокус, — увидим феномен «хуацяо» — обширной китайской диаспоры в тихоокеанском регионе. Кстати, замечу «в скобках», что ВВП КНР и совокупный продукт прочих элементов системы «Китай» по некоторым оценкам примерно равны друг другу…

Так что же считать Китаем? Только КНР? В этом случае мы рискуем сильно просчитаться. Здесь возникает вполне серьезная проблема, потому что в зависимости от того, какую картографию мира мы изберем, реальную или фиктивную, настолько же реальными или фиктивными окажутся наши действия.

— А что вы скажете о России? Она также «страна-система»?

— А разве это не очевидно? Каковы сейчас реальные границы России? Военные, культурные, конфессиональные, этнические, экономические… По всем этим параметрам мы видим резкое расхождение административно-политической границы *России-РФ* и какой-то другой России, России «страны-системы». Вот тут мы и столкнулись с обманчивостью простоты понятия «Россия».

Сейчас, употребляя слово «Россия», мы на деле нередко говорим о разном. Одно дело Россия как *Российская империя*. Другое — *Россия-СССР*. (Тут мне вспоминается пример курьезной расшифровки англоязычной аббревиатуры USSR: United States of

Soviet Russia.) Теперь мы вновь используем имя «Россия», но уже для обозначения новой страны, нового субъекта действия, подчас забывая, что исторически эта Россия имеет достаточно иное наполнение. А ведь тут много и нового, и спорного…

— *Что же именно?*

— Радикальная точка зрения по этому вопросу могла бы выглядеть следующим образом. Мы имеем дело с *новой страной*. У Новой России — *России-РФ* изменилось… даже ее прошлое. Не включают же американцы в курс своей истории английские древности. Так же и у России-РФ иной исторический хронотоп: время принятия христианства здесь несколько сдвинулось, многие русские князья стали в одночасье иностранцами, «мать городов русских» — т. е. древняя метрополия — теперь столица и часть истории совсем иного государства, да мало ли таких примеров!

Но дело, конечно, не только в историко-культурных традициях. Географически современная Россия-РФ утратила обширные европейские территории и оказалась подвинутой на северо-восток, в Азию. Ее юго-западная граница, если не вспоминать об анклаве Калининграда, вновь приближается к Смоленску (как было когда-то еще в одной России: *России-Московии*).

Страна сейчас, кроме того, находится в уникальной климатической зоне, где прямо и косвенно проявляется императив специфичной, «ультра-северной» формулы хозяйствования. Это, прежде всего, — повышенное энергопотребление производством, в том числе на поддержание жизнедеятельности работника, дополнительные издержки при строительстве. Тот же северный фактор (особенно, если учитывать не просто широты, но изотермы) оказывает серьезное влияние и на сельское хозяйство.

Кроме того, сейчас максимально выражен континентальный характер российской экономики: страна в значительной мере утратила судоходную береговую линию, став весьма зависимой от тягот и прихотей межгосударственного транзита. По инерции отождествляя эту Россию с Россией прежней, мы, пожалуй, глубоко заблуждаемся…

К тому же границы Новой России не просто изменились: они оказались весьма своеобразными, «полифоничными». Нагляднее всего это проявляется, пожалуй, в самом очевидном феномене, связанном с границами: их охраной. Где несут службу российские пограничники? Исключительно на территории России-РФ? Нет. Они находятся на Памире и в Закавказье, а российские войска присутствуют также в Крыму и в Приднестровье…

— Что ж, россиянам придется привыкнуть к новым границам России…

— С новым контуром России-РФ территория страны сжалась, уменьшилась, а между тем, мало кто знает, что протяженность пограничной полосы у нее практически не изменилась, даже чуть ли не увеличилась. При этом граница в значительной своей части абсолютно не обустроена, взять тот же Казахстан, это совершенно новая граница, то же можно сказать и о российско-украинской границе…

Когда были сделаны примерные прикидки, сколько же будет стоить обустройство новых границ, то цифра оказалась совершенно фантастическая для нынешней российской экономики — десятки миллиардов долларов. Так что присутствие пограничников на обустроенных «дальних рубежах» — жесткая необходимость. Но это лишь одно измерение новой, непростой конфигурации страны.

Если мы посмотрим на картографию ее устойчивых, жизненно важных хозяйственных связей, то осознаем еще одно измерение границ — экономическое. Когда мы пытаемся прорисовать эту конфигурацию, очертить контуры геоэкономических границ, то понимаем: не случайно в статистике долгое время было разделение отношений с внешним миром на две категории — дальнее и ближнее зарубежье. Впрочем, само наличие подобного типологического деления уже характерно…

А контур этнокультурных, языковых границ? Мы видим, что 25 миллионов русских оказались в ближнем зарубежье. Этот этнокультурный массив сложная реальность, никак не совпадающая с административно-политической линией. Плюс проблема распространяющейся в мире российской диаспоры, которая возможно начинает формировать некую принципиально новую типологию социального пространства «России», в каких-то своих проявлениях напоминающую еврейскую, армянскую или китайскую. Русские становятся одним из кочующих по миру «глобальных племен»…

— Сколько же бывших россиян обитает сейчас в дальнем зарубежье?

— Называются разные цифры, порядка 40 миллионов. Но, пожалуй, важнее отметить одно обстоятельство, характерное для данной диаспоры. В апреле этого года в «Известиях» была напечатана заметка о Кремниевой долине в Калифорнии, кузнице американских высоких технологий. И была приведена цифра — в «долине» работают около 200 тысяч российских специалистов, в значительном числе — программисты и математики (если тут имела место опечатка, то символическая). Только в штаб-

квартире корпорации «Майкрософт» занято полторы тысячи российских программистов. Вообще-то можно много примеров приводить… Расскажу лучше один анекдот. Вопрос: «Что такое американский университет?». Ответ: «Это такое место, где русские профессора обучают китайских студентов».

— Это все для России потерянные люди?

— Долгое время казалось, что так. Однако сейчас, судя по всему, стала проявляться неоднозначность ситуации. Уже нет монотонного процесса, когда люди только уходят из России, постепенно забывая о ней, сливаясь с новым для них социокультурным ландшафтом. Процесс проявляет более сложный, «волновой» характер, здесь я не берусь что-то утверждать, с моей стороны это было бы интеллектуальной спекуляцией, но процесс явно непростой, неоднозначный.

Но дело ведь не столько в возвращении-невозвращении, это прежняя формула проблемы: речь же сейчас идет о выстраивании новой топологии России в Новом мире. В данном случае, если угодно, — не об «острове-Россия», но об «архипелаге-Россия»… Однако вернемся к нити разговора. Еще одни, конфессиональные границы России также не исчерпываются Россией-РФ. Так, каноническая территория Русской православной церкви (теперь международной организации, в юрисдикцию которой входит, кажется, 14 стран) никак не совпадает с границами государства российского в его современной конфигурации…

— С картографией стран мы немного разобрались, а вот новые карты мира, или в Вашей терминологии «карты Нового мира»? На смену звездным картам Птолемея, пришли географические карты Меркатора, а что мы видим теперь?

— Рассуждать на эту тему и просто, и сложно. Просто, потому что общее место практически всех интеллектуальных штудий: «в мире происходит фундаментальный процесс, который получил название глобализации». Однако этикетку глобализации различные группы, использующие данное понятие, понимают все же по-разному. Монополярная версия нового мирового порядка, представленная в СМИ, монотонна и скучна. И скорее всего, неверна.

По сути дела, глобализация — это не только и не столько унификация или объединение мира…, мы видим, что он в определенном смысле и расползается, скажем, ускорился разрыв в экономическом положении землян, не менее серьезный феномен — «новая регионализация». Инвариант же всех этих процессов: возникающая из вод истории целостная социальная конструкция глобальных пропорций — новый универсум…

— Поясните, пожалуйста, подробнее, что вы имеете в виду?

— Процесс картографирования новой цивилизации, мира Постмодерна, в чем-то парадоксален, по крайней мере, он выглядит парадоксальным. Когда мы говорим, например, о моей излюбленной теме — геоэкономике, связанной с актуальной конфигурацией ресурсных потоков, то частично выходим за пределы не только привычной политической картографии, но вообще физического, земного ландшафта и вновь приближаемся к пространствам географии символической и — как бы сакральной.

Ибо членение на сакральный Север, сакральный Юг, Восток, Запад есть некоторые системные вариации в рамках целостной структуры. А на планете Земля сейчас возникает именно некая целостная структура, новая социальная композиция, нуждающаяся в собственной системе координат, в частности, в объемном *геоэкономическом атласе мира*.

Здесь возникает две проблемы. Первая связана с новыми субъектами этого атласа: место национальных государств в нем, в принципе, занимает своеобразная «экограмма» — устойчивый контур движения товаров и услуг, разнообразные ресурсные потоки: нефть, газ, промышленные изделия, военно-техническая продукция, финансовые потоки… и контролирующие движение силы, их коалиции. Построение подобной конфигурации в ее полноте — пока дело будущего. (К тому же данная конструкция не статична, а динамична, что добавляет немало хлопот.)

Вторая проблема, напротив, в чем-то облегчает задачу формализации актуального статуса мира: это его новая целостность, символизируемая самим феноменом глобальной экономики. И как раз эта целостность резко усиливает внутреннюю специализацию, новое расслоение, «новую регионализацию» мира, что на первый взгляд выглядит парадоксом.

Но парадокса тут, в общем-то, нет: просто объект не являющийся целостным, представляет сумму более-менее самостоятельных частей. Когда же элементы образуют единую, замкнутую систему, то свойства своей прежней целостности они во многом утрачивают. Это их качество (экономический суверенитет) наследует новый механизм, выстраивающий собственную систему управления, а в сфере мировой экономики — универсальную «штабную экономику».

В результате на планете возникает сложноподчиненная иерархия геоэкономических пространств, объединенных половодьем ресурсных потоков, что порождает категорию геоэкономических рентных платежей. Так что современная глобализация — это, пожалуй, прежде всего, формирование системы глобального управления, т. е. в условиях прозрачности

национальных границ — скорее избирательное поглощение национальных экономик «сверху», нежели их универсальное объединение…

— И что же находится на вершине этой новой пирамиды?

— В бурных водах глобальной трансформации зарождается некий «глобальный субъект», особый, транснациональный и виртуальный континент — Новый Север. Иначе говоря, если раньше мировая экономика представляла сумму национальных экономик, — которые были самостоятельными *субъектами*, действовавшими на глобальном поле, — то сейчас ситуация словно перевернулась. Появилась «глобальная экономика», которая посредством системы ТНК и ТНБ уверенно действует на национальных площадках, превращая их в универсальный *объект*.

При этом очертания устойчивых экономических связей «отслаиваются» от государств и стягивается какими-то другими агентами (например, теми же ТНК). Процесс этот, однако, не столь уж однозначен и не прост. Современная экономика подразделяется на несколько взаимосвязанных сфер: финансово-правовое регулирование, высокотехнологичное производство, производство интеллектуального ресурса, добыча природного сырья, изготовление изделий и т. п. Эти виды деятельности асимметрично расположены на планете, имея свои преимущественные ареалы распространения. Общая экономическая формула мира оказывается в своих частях как бы географически мотивированной.

В результате — с учетом системной специализации, или нового уровня мирового разделения труда — на планете возникают макрорегиональные геоэкономические пространства, новые «континенты». И если Россия серьезно, а не формально ставит перед собой задачу выстроить эффективную стратегию в Новом мире, то она не может не учитывать его новую специфическую конфигурацию, геоэкономическую рамку.

— Охарактеризуйте, пожалуйста, эти Ваши геоэкономические «континенты» поподробнее.

— Модель нового мироустройства носит гексагональный, «шестиярусный» характер (и в этом смысле она многополярна). В ее состав входят (отнюдь не на равных — и в этом смысле она однополярна) такие регионы, как североатлантический, тихоокеанский, евразийский и «южный», расположенный преимущественно в районе индоокеанской дуги. А также два транснациональных пространства, явно выходящих за рамки привычной физической картографии.

Так, на достаточно разнородные части расслаивается столь знакомый нам по XX веку Север. Его нервом становится

вышеупомянутая штабная экономика — эта *Thule Ultima* геоэкономических пространств. Именно она-то и определяет сейчас действующие на планете правила игры, регулирует сам контекст экономических операций и взимает, таким образом, с мировой экономики весьма специфичный налог. Тесно связана с транснациональным континентом и окружающая его пена — спекулятивная постэкономика финансов фантомного квази-Севера, извлекающего прибыль из неравновесности мировой среды, но в ней же обретающего особую, турбулентную устойчивость.

— Ну, а так называемый Третий мир?

— Очевидно, что он также в прошлом. В современной социо-экономической картографии прежний Юг представлен весьма различными, автономными пространствами.

Во-первых, массовое производство промышленных изделий мало-помалу перемещается из североатлантического региона в азиатско-тихоокеанский. Здесь, на просторах Большого тихоокеанского кольца — включающего, кстати, и такой нетрадиционный компонент, как ось Индостан-Латинская Америка, формируется второе промышленное пространство планеты — Новый Восток. В каком-то смысле он, пожалуй, занимает сейчас место прежней коммунистической цивилизации в биполярной механике мира.

Другая же часть Третьего мира, расположенная преимущественно в тропиках и субтропиках, по-прежнему связана с добычей сырьевых ресурсов…

Но есть еще один и, надо сказать весьма непростой персонаж: на задворках современной цивилизации формируется пестрый архипелаг территорий, пораженных вирусом социального хаоса, — Глубокий Юг. Это как бы перевернутый транснациональный мир, чье бытие определено радикальной демодернизацией ряда государств и особой, «теневой глобализацией» асоциальных и прямо криминальных тенденций различной этиологии.

— А как же экономика «старого» Севера, индустриально развитых стран?

— Помимо летучих островов Нового Севера, связанных с виртуальной неоэкономикой управления и финансов, к «нордической» части геоэкономического спектра относятся также высокоразвитая национальная инфраструктура стран североатлантического региона.

Эпоха Модернити создала здесь особое национальное богатство: развитую социальную, административную и промышленную инфраструктуру, ставшую основой «новой

экономики». Без этой основы трудно себе представить устойчивое функционирование как информационно-коммуникационных систем, так и всей индустрии «высокотехнологичного Версаче» — создание оригинальных, наукоемких изделий и образцов, значительная часть которых затем тиражируется в других регионах планеты (отчасти в процессе экспорта капитала).

Наконец, совершенно новой геостратегической реальностью стал еще один фрагмент бывшего Севера — пребывающий в хаотизированном состоянии постсоветский мир, похоронивший под обломками плановой экономики некогда могучий полюс власти — прежний Восток… Но подробнее о геоэкономических векторах этого региона мы поговорим, наверное, уже в следующий раз.

— Последний вопрос. Могли бы Вы кратко сформулировать основной принцип современной картографии глобального сообщества?

— Прежняя, «плоскостная» система координат, базирующаяся на принципе суверенных национальных государств, дополняется сейчас новой, «трехмерной» и динамичной геоэкономической структурой. Между двумя этими пространствами произрастает феномен «страны-системы» как исторический компромисс сегодняшнего дня и один из векторов развития мира.

Источник: «Экономические стратегии» № 1, 2001 г.